РЕЦЕНЗИИ. ОТКЛИКИ НА ПУБЛИКАЦИИ ЖУРНАЛА COMMENTS AND REVIEWS ON ARTICLES PUBLISHED IN THE JOURNAL

УДК 070.1

DOI 10.17150/2308-6203.2019.8(2).421-432

Скибина Ольга Михайловна

Доктор филологических наук, профессор, действительный член Академии военных наук

Кафедра литературы, журналистики и методики преподавания литературы, Оренбургский государственный педагогический университет, 460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19, e-mail: sskibin90@mail.ru

Olga M. Skibina

D.Sc. in Philology, Professor, Acting Member of the Academy of Military Sciences

Department of Literature, Journalism and Methods of Literature Teaching, Orenburg State Pedagogical University, 19 Sovetskaya Str., Orenburg, 460014, Russian Federation, e-mail: sskibin90@mail.ru

ЖУРНАЛИЗМ ИЛИ ПИСАТЕЛЬСТВО? (О СИНКРЕТИЗМЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО У РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ)

Аннотация. Статья продолжает обсуждение темы «феномена журнализма» в творческом наследии русских писателей начала XX века. Дневник как жанр всегда был в центре исследовательских интересов, однако до настоящего времени не определены критерии «дневниковости» ни у литературоведов, ни тем более, у теоретиков журналистики. Дневники на рубеже столетий вели многие художники слова, это был единственный жанр, позволяющий выразить мысли о наболевшем, что позволяло относить этот жанр однозначно к публицистике. Вместе с тем в работах ученых появляется тенденция отмечать «информационные возможности этого вида эго-документа для исследования повседневности определенного топоса» (Е.М. Криволапова), относя его тем самым к документальной прозе. Предметом анализа выбран жанр дневниковой прозы Ивана Бунина и Михаила Пришвина. Написанные в одно время, дневники этих писателей отражают — каждый по-своему — одну эпоху — кровавое революционное настоящее. В статье ставится проблема соотношения документального и художественного в жанре дневника. Сравнивая дневники Бунина и Пришвина, автор доказывает, что публицистический текст вполне может иметь определённую эстетическую ценность, однако доминирующим в публицистике становится не эстетический, а скорее этический аспект. Это проявляется и в злободневной, общественно значимой проблематике произведения, и в стремлении автора к сокращению

дистанции между своим сознанием и сознанием читателя, и в особой лексико-грамматической структуре фразы («Окаянные дни» Бунина). Дневники же Пришвина по отбору жизненного материала говорят о том, что его позиция — художническая, когда художественный образ становится единственно верным в подаче и восприятии мира.

Ключевые слова. Феномен журнализма, публицистика, документальная проза, художественный текст, дневник как жанр, Иван Бунин, Михаил Пришвин, «Окаянные дни», «Дневники».

Информация о статье. Дата поступления 12 марта 2019 г.; дата принятия к печати 6 мая 2019 г.; дата онлайн-размещения 24 мая 2019 г.

JOURNALISM OR WRITING? (ON THE SYNCRETISM OF THE DOCUMENTARY AND FICTION IN RUSSIAN WRITERS' CREATIVE WORKS)

Abstract. The article continues the discussion of the “phenomenon of journalism” in the creative heritage of Russian writers of the early twentieth century. The diary as a genre has always been at the center of research interests, but so far the criteria for “diary” have not been defined either by literary critics, or by theorists of journalism. At the turn of the century, diaries were kept by many artists of the word, it was the only genre that allowed expressing thoughts on pressing issues, which made it possible to attribute this genre definitely to journalism. At the same time, there is a tendency in the works of scientists to note the “informational possibilities of this type of ego-document for the study of the humdrum of a particular topos” (E.M. Krivolapova), thus relating it to documentary prose. The subject of the analysis is the genre of diary prose by Ivan Bunin and Mikhail Prishvin. Written at the same time, the diaries of these writers reflect — each in its own way — one era — the bloody revolutionary present. The article poses the problem of the relationship between documentary and fiction in the diary genre. By comparing the diaries of Bunin and Prishvin, the author proves that a nonfiction text may well have a certain aesthetic value, but not the aesthetic, but rather the ethical aspect becomes dominant in nonfiction. This is manifested in the topical, socially significant problems of the work, and in the author's striving to reduce the distance between his consciousness and the consciousness of the reader, and in the special lexical and grammatical structure of the phrase (Bunin's *Cursed Days*). Prishvin's diaries on the selection of vital material suggest that his position is artistic when the artistic image becomes the only true one in the presentation and perception of the world.

Keywords. The phenomenon of journalism, journalism, documentary prose, literary text, diary as a genre, Ivan Bunin, Mikhail Prishvin, *Cursed Days*, *Diaries*.

Article info. Received March 12, 2019; accepted May 6, 2019; available online May 24, 2019.

Введение. Статья возникла из недавнего обсуждения темы, заявленной публикацией А.П. Суходолова и Е.С. Антипиной «Феномен

журнализма в творческом наследии И.А. Бунина (на материале произведения «Окаянные дни») [1]. А.Г. Коваленко в своей рецензии на статью

довольно подробно проанализировал дневник Бунина как «важный исторический и литературный документ, свидетельствующий о тесной связи писателя с журналистикой» [2], вместе с тем выразив мнение о том, что «заявленный в статье приоритет бунинского «журнализма» нуждается в уточнении» [2, с. 559]. Таким образом, проблема жанровых дефиниций осталась, как остается и нерешенным вопрос о том, насколько писатель, создавая публицистические тексты, остается верным литературным традициям, или же он уходит от художественного образа в область факта, так поразившего его своей документальной четкостью и приближенностью к «истинному толкованию»? [3, с. 20]. В своей статье мы вновь хотим сосредоточить внимание на «Окаянных днях» Бунина, добавив к этому еще и аналогичные «Дневники» Пришвина. Анализ этих текстов даст еще одно важное понимание вопроса, поставленного в статье А.П. Суходолова и Е.С. Антипиной: что есть «журнализм», чем отличается литературное произведение, опубликованное на страницах газеты (журнала) и предназначенное «уйти в вечность» от сиюминутного, пусть и политически важного события, запечатленного *вслед за фактом*? Является ли дневниковая форма изложения событий, объединенных в хронику, журналистским текстом, а еще точнее — публицистикой — в случае предназначения его для печати? Отличается ли тип мышления писателя — художника от журналиста? И где проходит водораздел между беллетристом и репортером?

Теоретики журналистики огорчены тем обстоятельством, что «мето-

дологическая критика» в науке о журналистике в явном виде практически не существует, проявляясь лишь попутно, особенно при полемических схватках» [4, с. 40] и ставят вопрос ребром: «Почему в рамках ни той, ни другой парадигмы исследователи не способны создать полноценную теорию журналистики? Почему, придерживаясь одной из них, учёные не желают (не могут?) включить в орбиту своей интерпретации журналистики проблемы и/или наработки другого научного подхода?» [5]. Особенно это касается определения публицистики, которая становится предметом исследования и среди литературоведов, и среди теоретиков журналистики. И надо признать, что наработок в области теории жанров у литературоведов значительно больше, и они, на наш взгляд, четче прописаны [6, с. 447–483; 7–9].

По-разному подходя к определению «журнализм» и «художественность», ученые сходятся в одном: при анализе того или иного произведения следует сосредоточить свое внимание вокруг проблемы сочетания художественного и документального в нем. Мы уже ставили данную проблему, анализируя путевые очерки Чехова в контексте массовой литературы [10]. Произведения подобного жанра — политический дневник, путевой очерк — чистой воды журнализм, приправленный авторской субъективностью, когда информационный материал подается через призму художественной и идеологической концепций автора? Или же это разновидность документальной прозы? Что важнее для писателя: «достоверность факта» или «достоверность чувства?» [11, с. 35].

Дневники Бунина и Пришвина как его-документ

Еще в 1916 г. Бунин писал: «<...> дневник одна из самых прекрасных литературных форм. Думаю, что в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочие» [12, с. 125]. Жанру дневника посвящено огромное количество научных статей отечественных литературоведов и историков журналистики [11; 13–15]. Среди зарубежных исследований можно отметить работы польских и немецких ученых [16–20].

Говоря о жанре «Окаянных дней», следует помнить о том, что Бунин, в отличие от Горького или Короленко, изначально не был писателем, которому социальные и общественно-политические явления давали эмоциональный заряд для творчества. Революция дала Бунину новые впечатления, открыла горестные ощущения и переживания, ранее не известные ему — всё это находит отражение в разрозненных дневниковых записях, которые позднее стали основой для «Окаянных дней». Бунин вел свои записи ежедневно, начиная с января 18 года до осени 19-го, сначала в Москве, затем в Одессе. Книга же «Окаянные дни» вышла впервые в 1925 году в Берлине как восстановленные по памяти записи Бунина с учетом газетных публикаций в «Известиях Одесского совета рабочих и солдатских депутатов» за 20 апреля 1919 года [11, с. 28]. Поэтому очень важно сравнить записи Бунина 1918–1919 годов с книгой 1925 года. Писателю важнее была «правда чувства», собственные эмоции, впечатления для восстановления апокалипсической картины «русской вакханалии».

Между настоящим дневником — он находится в Лидском архиве — и «Окаянными днями» существуют значительные различия. Отметим между прочим, что сам Бунин отрицал свой талант непревзойденного стилиста: «Я никогда не умел и не могу стилизовать. Писать «в духе» чего-либо я не мог и не буду»¹ Как отмечает французская исследовательница творчества Бунина Клер Ошар, «дневник, который Бунин вел в период революции и гражданской войны, не начинается в 1918-ом году и не обрывается в 1920-ом...» [21, с. 102]. Хотя, разумеется, основой для «Окаянных дней» стали записи бунинского дневника. Мы условно назвали обе части дневника Бунина — *московская* и *одесская*. Это относительно самостоятельные части с собственной структурой и тональностью.

Первая, московская, часть наполнена газетными сообщениями, слухами, обрывками диалогов, зарисовками уличных сцен. Это типичный жанр *сценки*, так характерный для произведений документально-художественного жанра, которыми пользовались еще авторы физиологических очерков-сцен 60-х годов XIX века: «Утром ездил в город. На Страстной толпа. Подошел, послушал. Дама с муфтой на руке, баба со вздернутым носом. Дама говорит поспешно, от волнения краснеет, пугается».

— Это для меня вовсе не камень, — поспешно говорит дама, — этот монастырь для меня священный храм, а вы стараетесь доказать...

¹ Библиотека русской классики. Вып. I : В. Иванов. И. Бунин. А. Блок. И. Бабель. М. : Директ Медиа Паблишинг, 2005. 1 эл. опт. диск (CD-ROM).

— Мне нечего стараться, — перебивает баба нагло, — для тебя он освящен, а для нас камень и камень! Знаем! Видали во Владимире! Взял маляр доску, намазал на ней, вот тебе и Бог. Ну, и молись ему сама.

— После этого я с вами и говорить не желаю.

— И не говори!...» [22, с. 25–26].

«Сценка оживляла повествование, вносила элемент драматической игры, ощущение сиюминутности происходящего и, как следствие, достоверности описываемого материала» [10, с. 390]. К такому приему прибегал и Чехов в «Острове Сахалин», который он, несомненно, знал. Бунин, как и Чехов, прекрасно владеет драматургическими приемами подачи материала, точно передавая не только смысл, но и интонацию говорящего. Очень точно сказал об этом О.Н. Михайлов: «Какое обилие типажей, живых физиономий, характеров, схваченных на ходу, словно моментальной фотографией! Сколько наблюдательности и изобразительной силы!.. Бунин прежде всего писатель, художник и наблюдатель зорчайший» [23, с. 10]. Бунин выстраивает диалог, «прекрасно разбираясь и в мотивировках высказываний, и в логической их упорядоченности. Как тонкому знатоку человеческой психики, ему, несомненно, были известны внутренние мотивы и побуждения того или иного высказывания, которые в поэтике его произведений являются не только и не столько средством раскрытия характера и миропонимания героя или толчком к развитию событий, но прежде всего служат в основном средством проявления авторского отношения к героям. Бунин не анализирует цели и мотивы высказывания, не коммен-

тирует их, прекрасно понимая, что в таких ситуациях человек как бы разыгрывает в слове свои социальные и психологические роли» [10, с. 391].

Иная тональность и стиль во второй, одесской, части. Неторопливая манера повествования, наполненного воспоминаниями, переживаниями, увиденными снами — в них размышления о судьбе России: «Перед тем как проснуться нынче утром, увидел, что кто-то умирает, умер. Очень часто вижу теперь во сне смерти...» [22, с. 90]. Тон более спокойный, будто Бунину важнее зафиксировать каждый эпизод (документальность факта), нежели свое чувство по этому поводу: «Духов день. Тяжелое путешествие в Сергиевское училище, почти всю дорогу под дождевой мглой, в разбитых промокающих ботинках. Слабы и от недоедания, — шли медленно, почти два часа. И, конечно, как я и ожидал, того, кого нам было надо видеть, — приехавшего из Москвы, — не застали дома. И такой же тяжкий путь и назад. Мертвый вокзал с перебитыми стеклами, рельсы уже рыжие от ржавчины, огромный грязный пустырь возле вокзала, где народ, визг, гогот, качели и карусели <...> И всё время страх, что кто-нибудь остановит, даст по физиономии или облапит В. (В.Н. Муромцеву-Бунину, жену — О.С.). Шел, стиснув зубы, с твердым намерением, если это случится, схватить камень поувесистей и ахнуть по товарищескому черепу. Тащи потом куда хочешь!» [22, с. 107].

Справедливо замечание Клер Ошар: «Дневниковая форма, разработанная Буниным, поддерживает высокое эмоциональное напряжение благодаря пульсирующей фраг-

ментарности» [21, с. 105]. Сценка, рассказ-миниатюра, зарисовка, заметка без комментария — так можно определить жанровую составляющую «Окаянных дней». Причем обе части — и московская, и одесская при этом внутренне неоднородны. Будучи в эмиграции, Бунин добавляет в эти части фрагменты своих опубликованных статей, отрывки из рассказов этого периода, цитаты из книг и газетных заметок. Подобный «феномен журнализма» демонстрировал и Чехов, работая над книгой «Остров Сахалин», куда он, оставляя «чувство первого впечатления» и «оттенки сомнения в непогрешимости частных наблюдений» [24, с. 785], вставлял цитаты из своих же писем, написанных во время путешествия на каторжный остров, а также из книг других путешественников [10, с. 393].

Бунин, как и вся русская эмиграция, «выпал из времени», и в этом — колоссальная трагедия для каждого эмигранта и для нашего национального самосознания в целом: «Все вздор. Никакого прошлого у людей, строго говоря, нет. Так только, слабый отзвук какой-то всего того, чем жил когда-то» [22, с. 249]. Именно это ощущение являлось общим для интеллигенции, что позволяет нам рассматривать публицистику 1920 гг. по отношению к «Окаянным дням» как особый литературно-исторический контекст.

Интересное явление в русской литературе XX века представляет публицистика М.М. Пришвина. Ровесник, современник и земляк Бунина (оба они были учениками Елецкой гимназии и оба были исключены из нее), Пришвин вошел в литературу уже в зрелом возрасте и не так яр-

ко, как, скажем, Горький или Бунин. И, тем не менее, именно Пришвин во многом определял облик советской литературы, особенно в первое послеоктябрьское десятилетие.

Бунинские и пришвинские дневники, посвященные революции и гражданской войне, пожалуй, самые глубокие документы о смутном времени пореволюционных лет. 20 апреля 1919 года Пришвин записывает в дневнике: «Два плана: сцепиться с жизнью местной делом или удрать» [25, с. 277], и этот гипотетический выбор невероятно точно предсказывает судьбу и оставшегося на родине, занявшегося краеведением Пришвина, и эмигрировавшего Бунина. Вопрос о политических пристрастиях Пришвина, о его отношениях с большевиками, о его гражданском выборе не эмигрировать из России является крайне актуальным для пришвиноведов и до сих пор окончательно не решен. Очевидно одно — писатель осознавал свою личную ответственность за происходящее в России: «я против существующей власти не иду, потому что мне мешает чувство моей причастности к ней» [26, с. 236]. Он признает, что «мы, конечно, находимся во власти преступников, но указать на них, сказать: «Вот кто виноват!» — мы не можем, тайно чувствуем, что все мы виноваты, и потому мы бессильны, потому мы в плену» [25, с. 265]. Эти слова актуализируют в дневниках Пришвина один из главных мотивов, характерных для публицистики метрополии и эмиграции 1920-х годов — мотив вины русской интеллигенции, которая своим попустительством к политическим радикалам, заискиванием перед ними способствовала нагнетанию рево-

люционной обстановки. Сотрудничать с новой властью не потому что она хороша или плоха, а просто потому что она политическая реальность русского мира — вот основа гражданского выбора Пришвина.

Однако необходимо отметить, что Пришвину была чужда идеализация какой бы то ни было власти, потому что любая власть априори предполагает подавление личности. В центре внимания — всегда частный человек с его взлетами и падениями, надеждами и заблуждениями, и революционные события воспринимаются в этом свете не только как национальная трагедия, сломанная парадигма национального развития, но и как личная катастрофа, сломанная линия человеческой судьбы: «Пришли зеленые, сняли подвал за фунт соли: хотят тут перебыть пустоту между красными — белыми и «тикать» на Украину» [25, с. 298]. В этой связи важное место занимает эссе под условным названием «Голос одинокого» в записях 1917 года: «Во все времена всякой революции вы слышите голос человека, не приставшего ни к какой партии, и голос этот одинокий не слушают, и он погибает, потому что он один. Но вот пройдут времена, и голос этот услышат, люди вспомнят и узнают в нем голос Распятого Бога: «Приидите ко Мне все тружущиеся, обремененные, и Аз упокою вы» [27, с. 288].

Абсурд Первой мировой войны, а затем революции и гражданской войны вывел из состояния гармонического равновесия человеческую душу: «Все резче на небе звезда утренняя, и восток сильнее обозначается, а душа не гаснет, светит по-прежнему, видно только, как злые

порывы ветра качают оголенные ветви сада, как, словно бабочки, летят последние листья» [27, с. 232]. Этот абсурд — абсурд революции — в дневниках Пришвина то разрастается до масштабов национальной трагедии («Поставили пушку и начали стрелять куда-то в туман, население разбежалось, а потом привыкло, девки и мальчишки выпрашивали разрешения стрелкнуть и стреляли с утра до вечера. А в городе прислушивались и шептали: «В какой стороне бои?» Развертывали карты, изучали станции, села, деревни, высчитывали версты» [25, с. 315]), то концентрируется на конкретной личности («Михайло говорит, проехав последнюю цепь: «По чьей земле едем, по красной или по белой?» Подумали с Максимом и решили так, что это наша земля, мы едем, наша» [25, с. 317]).

С большой художественной силой в дневниках передано — с одной стороны — ощущение надвигающейся катастрофы: «Часы играют свою несложную немецкую песенку, и время от времени хлопает на весь дом, как пушка, входная дверь: «Постреливают? начинают?» [27, с. 241], с другой — упрямая надежда на мирное разрешение ситуации: «Утром; почта пришла, дымка курится в трубах фабрик — неужели становятся на работу? Вчера дымок не было. Увезить семью или подождать?» [27, с. 250]. Здесь важно отметить, что события революционного времени показаны сквозь призму отдельно взятой личности, в результате чего революция в дневниках Пришвина предстает не просто как сухой исторический факт, но как множество индивидуальных надломленных судеб. Осознавал это и сам Пришвин, при-

водя в дневнике 1919 года слова Метерлинка: «Существует каждодневная трагедия, которая гораздо более реальна и глубока и ближе касается нашего истинного существа, чем трагедия больших событий <...>» [25, с. 222]. Случайность становится законом — и в этом трагедия жизни, по мысли Пришвина: «Случайно вы попадаете в тюрьму, и случайно под пули, и случайно, отправляясь в Москву, вы замерзаете в поезде. И вот теперь, православный христианин, твой ответ, который готовил ты дать при конце, — кому он нужен? Никто не спросит тебя: случайно пропадешь!» [25, с. 34].

Бессилие человека перед мировой волей, которая вершится по своим, трансцендентным, законам — вот лейтмотив дневников Пришвина: «Чан. Теперь стало совсем ясно, что выходить во имя человеческой личности против большевиков невозможно: чан кипит и будет кипеть до конца, самое большое, что можно — это подойти к этому краю чана и подумать: «Что, если и я брошусь в чан?»» [25, с. 26]. И только колоссальное напряжение всех физических и духовных сил позволяет оставаться собой и не потеряться в этой жизни, где утрачены ориентиры, размыты границы добра и зла, время и пространство потеряло меру: «Я (Пришвин — О.С.) в плену у жизни и верчусь, как василек на полевой дороге, приставший к грязному колесу нашей русской телеги. <...> Мое призвание вбирать в себя, как губка, жизнь момента времени и места и сказочно или притчами воспроизводить, я цвет времени и места, раскрывающий лепестки свои, невременные и непространственные» [25, с. 182–211].

Человек, о котором думает в своих дневниках Пришвин, — часть природы, но он не осознает этого, вступая в конфликт с ней: «Издали слышатся удары топора, я иду посмотреть на человека, который так издевается над природой. Вот он сидит на огромном, в три обхвата парковом дереве и, очищая сучья топором, распиливает труп. Мне больно за что: я знаю, не больше как через год мысли этого человека переменятся, и он будет сажать деревья, или его заставят сажать. Его мысль очень короткая, но дереву такому надо расти больше ста лет; как может он приближаться со своей короткой мыслью к этому чудесному дереву?» [25, с. 69]. Этот конфликт с внешним миром может привести к дисгармонии мира внутреннего — в результате на страницах дневников появляются ужасающие натуралистические картины духовной гибели и пустоты: «Я увидел сон. Мирская чаша. Мне снилось, будто душа моя сложилась чашей — мирская чаша, и все, что было в ней, выплеснули вон и налили в нее щи, и человек двадцать Исполкома — члены и писаря — деревянными ложками едят из нее» [25, с. 248].

Но, несмотря ни на какие ошибки, разочарования, заблуждения, настроение пришвинских дневников все же не безнадежно. Герой-рассказчик живет по принципу «все, что меня не убивает, делает меня сильнее», и все переживания души оказываются движениями к вечной гармонии, все страдания разрешаются в умиротворенность и духовное очищение, просветление. Герою-рассказчику открывается высшая жизненная мудрость — через горе прийти к счастью, за сиюминутным

увидеть вечное: «В осеннем прозрачном воздухе сверкнули белые крылья голубей — как хорошо! Есть, есть радость жизни, независимая от страдания, в этом и есть весь секрет: привыкнуть к страданию и разделить то и другое» [25, с. 285]. И даже страх смерти отступает, потому что смерть воспринимается не как таинственное небытие, а как особая форма жизни, как сон: «Воет метель, заносит снегом деревенские домишки, я — в склепе погребенный мертвец... Мне хорошо, я доволен, что меня схоронили: я покоен. Где-то под корою льда бьется живая жизнь, или я до конца не умер? я слышу глухие удары жизни, только внутрь меня, как раньше, до самой глубины сердца они не проникают» [25, с. 189].

Заключение. Таким образом, вопрос о соотношении публицистики и художественной литературы, журнализма и писательства — вопрос, являющийся одним из наиболее сложных и важных на современном этапе развития как филологии, так и теории журналистики. На наш взгляд, при анализе жанра дневника теоретикам журналистики и литературоведам следует учитывать следующее: готовил ли автор данного текста его к публикации (как Бунин) — и тогда дневник можно рассматривать как публицистический текст с определённой эстетической ценностью, с доминантой в

нем этического аспекта. Вопросы революции и культуры для Бунина были настолько злободневными и болезненными, что эмоции гражданина захлестнули писателя и не позволили ему дать объективно журналистскую картину происходящего в России. В «Дневниках» Пришвина, которые автор писал «в стол», ясно прослеживается мысль *своей* вины в причастности к происходящему — чеховский мотив, высказанный им в письме А.С. Суворину о Сахалине: «*Мы* сгноили в тюрьмах миллионы людей...». Дневники Пришвина с эмоциональной точки зрения — книга-трагедия, трагедия русского мира. От страницы к странице звучит с неослабевающей остротой «жуткий вопрос: что делается в остальной России — никто этого не знает. <...> Почему самые бездарные люди стоят во главе?» [27, с. 248–256]. Ответа на этот вопрос Пришвин не находит, более того — попытки его найти приводят автора к разочарованию в человеке и к сомнениям в богоданной справедливости мироустройства: «Вот она, тьма тьмущая, окутывает небо и землю, и я слепой стою без дороги, и пластами вокруг меня, как рыба в спущенном пруду, лежит гнилая русская человечина» [25, с. 45]. Ясно одно: дневник как жанр вполне подходит для выявления феномена журнализма как особого типа творческого мышления автора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Суходолов А.П. Феномен журнализма в творческом наследии И. А. Бунина (на материале произведения «Окаянные дни») / А.П. Суходолов, Е.С. Антипина // Вопросы теории и практики журналистики. — 2018. — Т. 7, № 2. — С. 195–209. — DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(2).195-209.
2. Коваленко А.Г. О журнализме и художественности (отклик на статью А.П. Суходолова и Е.С. Антипиной «Феномен журнализма в творческом наследии И.А. Бунина (на материале произведения «Окаянные дни»)» / А.Г. Коваленко // Вопросы теории и

практики журналистики. — 2018. — Т. 7, № 3. — С. 557–559. — DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(3).557-559.

3. Свитич Л.Г. Журнализм в контексте современных научных парадигм / Л.Г. Свитич // Вопросы теории и практики журналистики. — 2012. — № 2. — С. 9–21.

4. Прохоров Е.П. Исследуя журналистику. Теоретические основы, методология, методика, техника работы исследователя СМИ : учеб. пособие / Е.П. Прохоров. — М. : РИП-Холдинг, 2005. — 202 с.

5. Дмитриевский А.Л. Теории журналистики: почему они «не работают»? (Проблема синергетического подхода к журналистским явлениям / А.Л. Дмитриевский // Вопросы теории и практики журналистики. — 2019. — Т. 8, № 1. — С. 36–56.

6. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. — М. : Худож. лит., 1975. — 502 с.

7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. — 2-е изд. — М. : Искусство, 1986. — 445 с.

8. Палиевский П.В. Документ в современной литературе / П.В. Палиевский // Литература и теория. — М. : Сов. Россия, 1979. — С. 128–173.

9. Тынянов Ю.Н. Литературный факт / Ю.Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. — М. : Наука, 1977. — С. 255–270.

10. Скибина О.М. Путевые очерки Чехова в контексте массовой литературы: проблема взаимовлияния / О.М. Скибина // Вопросы теории и практики журналистики. — 2015. — Т. 4, № 4. — С. 385–395. — DOI: 10.17150/2308-6203.2015.4(4).385-395.

11. Бакунцев А.В. «Окаянные дни: особенности работы И.А. Бунина с фактическим материалом / А.В. Бакунцев // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2013. — № 4. — С. 22–35.

12. Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные документы. В 2 т. / под ред. М. Грин ; вступ. ст. Ю. Мальцева. — М. : Посев, 2005. — Т. 1. — 303 с.

13. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения / Б.О. Корман. — М. : Просвещение, 1972. — 113 с.

14. Егоров О.Г. Литературный дневник XIX века (История и теория жанра) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / О.Г. Егоров. — М., 2003. — 64 с.

15. Криволапова Е.М. Жанр дневника в наследии писателей круга В.В. Розанова на рубеже XIX–XX веков : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Е.М. Криволапова. — М., 2013. — 533 с.

16. Dzienniki pisarzy rosyjskich. Kontekst literacki i historyczny. Studia Rossica XVII / ed. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łuciewicz. — Warszawa, 2006. — 598 s.

17. Dzienniki, notatniki, listy pisarzy rosyjskich. Studia Rossica XIX / ed. A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łuciewicz. — Warszawa, 2007. — 544 s.

18. Bluhm L. Das Tagebuch zum Dritten Reich: Zeugnisse der Inneren Emigration / L. Bluhm. — Bonn : Bouvier, 1991. — 324 S.

19. Heinrich-Koipys M. Tagebuch und Fiktionalität: Signalstruktur des literarischen Tagebuchs am Beispiel der Tagebücher von Max Frisch / M. Heinrich-Koipys. — St. Ingbert : Rohrig Universitätsverlag, 2003. — 448 S.

20. Jurgensen M. Das Fiktionale Ich: Untersuchungen zum Tagebuch / M. Jurgensen. — Bern ; München : A. Francke Verlag, 1979. — 303 S.

21. Ошар К. «Окаянные дни» как начало нового периода в творчестве Бунина / К. Ошар // Русская литература. — 1996. — № 4. — С. 101–105.

22. Бунин И.А. Окаянные дни / И.А. Бунин. — М. : Мол. гвардия, 1991. — 284 с.

23. Михайлов О.Н. Неизвестный Бунин / О.Н. Михайлов // Окаянные дни / И.А. Бунин. — М. : Мол. гвардия, 1991. — С. 3–12.

24. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. / А.П. Чехов. — М. : Наука, 1978. — Т. 14–15. — 926 с.

25. Пришвин М.М. Дневники 1918–1919 / М.М. Пришвин. — М. : Моск. рабочий, 1994. — Кн. 2. — 383с.

26. Пришвин М.М. Дневники 1920–1922 / М.М. Пришвин. — М. : Моск. рабочий, 1995. — Кн. 3. — 366 с.

27. Пришвин М.М. Дневники 1914–1917 / М.М. Пришвин. — М. : Моск. рабочий, 1991. — Кн. 1. — 430 с.

REFERENCES

1. Sukhodolov A. P., Antipina E. S. The Phenomenon of Journalism in Ivan A. Bunin's Literary Legacy (Based on His Book Cursed Days). *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2018, vol. 7, no. 2, pp. 195–209. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(2).195-209. (In Russian).
2. Kovalenko A.G. On Journalism and Artistry (Review of the Article by Alexander P. Sukhodolov and Elena S. Antipina The Phenomenon of Journalism in Ivan A. Bunin's Literary Legacy (Based on his Book Cursed Days)). *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2018, vol. 7, no. 3, pp. 557–559. DOI: 10.17150/2308-6203.2018.7(3).557-559. (In Russian).
3. Svititch L.G. Journalism in the Context Modern Scientific Paradigm. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2012, no. 2, pp. 9–21. (In Russian).
4. Prokhorov E.P. Researching Journalism. Theoretical Framework, Methodology, Method, Technique Research Media. Moscow, RIP-Kholding, 2005. 202 p.
5. Dmitrovsky A.L. Journalism Theories: Why They Do Not Work? *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2019, vol. 8, no. 1, pp. 36–56. (In Russian).
6. Bakhtin M.M. Questions of Literature and Aesthetics. Research of Different Years. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1975. 502 p.
7. Bakhtin M.M. Aesthetics of Verbal Art. 2nd. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p.
8. Palievsky P.V. Document in Modern Literature. *Literatura i teoriya* [Literature and Theory]. Moscow, Sovetskaya Rossiya, 1979, pp. 128–173. (In Russian).
9. Tynyanov Y.N. Literary fact. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 255–270. (In Russian).
10. Skibina O. M. Chekhov's Travel Essays in Context Popular Literature: the Issues of Mutual. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2015, vol. 4, no. 4, pp. 385–395. DOI: 10.17150/2308-6203.2015.4(4).385-395. (In Russian).
11. Bakuntsev A.V. "The Cursed Days": Specificity of I.A. Bunin's Work with Facts. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika = Moscow University Journalism Bulletin*, 2013, no. 4, pp. 22–35. (In Russian).
12. Grin M., Mal'tsev Yu. (eds). *Ustami Buninykh: Dnevniky I.A. i V.N. Buninykh i drugie arkhivnye dokumenty* [From the mouths of the Bunins: Diaries of I.A. and V.N. Bunins and other archive documents]. Moscow, Posev Publ., 2005, vol. 1. 303 p.
13. Korman B.O. *Izucheniye teksta khudozhestvennogo proizvedeniya* [Studying the text of a literary work]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1972. 113 p.
14. Egorov O.G. *Literaturnyi dnevnik KhIkh veka (Istoriya i teoriya zhanra). Avtoref. Dokt. Diss.* [Literary Diary of the XIX Century. History and Theory of Genre. Doct. Diss. Thesis]. Moscow, 2003. 64 p.
15. Krivolapova E.M. *Zhanr dnevnika v nasledii pisatelei kruga V.V. Rozanova na rubezhe XIX–XX vekov*. Dokt. Diss. [The genre of diary prose in the literary legacy of V.V. Rosanov's writers' circle at the turn of 19th and 20th centuries. Doct. Diss.]. Moscow, 2013. 533 p.
16. Wołodźko-Butkiewicz A., Łucewicz L. (eds). *Dzienniki pisarzy rosyjskich. Kontekst literacki i historyczny*. Studia Rossica XVII. Warszawa, 2006. 598 s.
17. Wołodźko-Butkiewicz A., Łucewicz L. (eds). *Dzienniki, notatniki, listy pisarzy rosyjskich*. Studia Rossica XIX. Warszawa, 2007. 544 s.
18. Bluhm L. *Das Tagebuch zum Dritten Reich: Zeugnisse der Inneren Emigration*. Bonn, Bouvier, 1991. 324 S.
19. Hcinrich-Koipys M. *Tagebuch und Fiktionalitst: Signalstruktur des literarischen Tagebuchs am Beispiel der Tagebücher von Max Frisch*. St. Ingbert, Rohrig Universitätsverlag, 2003. 448 S.

20. Jurgensen M. Das Fiktionale Ich: Untersuchungen zum Tagebuch. Bern, München, A. Francke Verlag, 1979. 303 S.
21. Oshar K. *Cursed Days* as the beginning of a new period of Bunin's literary work. *Russkaya literatura = Russian Studies in Literature*, 1996, no. 4, pp. 101–105. (In Russian).
22. Bunin I.A. *Okajannyje dni* [Cursed Days]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1991. 284 p.
23. Mikhailov O.N. Unknown Bunin. In Bunin I.A. *Okajannyje dni* [Cursed Days]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1991, pp. 3–12. (In Russian).
24. Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and letters]. Moscow, Nauka Publ., 1978, vol. 14-15. 926 p.
25. Prishvin M.M. *Dnevnik 1918–1919* [Diaries 1918–1919]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1994, bk. 2. 383 p.
26. Prishvin M.M. *Dnevnik 1920–1922* [Diaries 1920–1922]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1995, bk. 3. 366 p.
27. Prishvin M.M. *Dnevnik 1914–1917* [Diaries 1914–1917]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1991, bk. 1. 430 p.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Скибина О.М. Журнализм или писательство? (О синкретизме документального и художественного у русских писателей) / О.М. Скибина // Вопросы теории и практики журналистики. — 2019. — Т. 8, № 2. — С. 421–432. — DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(2).421-432.

FOR CITATION

Skibina O.M. Journalism or Writing? (On the Syncretism of the Documentary and Fiction in Russian Writers' Creative Works). *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2019, vol. 8, no. 2, pp. 421–432. DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(2).421-432. (In Russian).